

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ГРАФОВЪ НЕССЕЛЬРОДЕ *).

Графиня М. Д. Нессельроде къ сыну своему графу Дмитрію Карловичу.

Петербургъ, 18 Января 1840.

Курьеръ этотъ везетъ подарокъ маршалу Сульту, въ благодарность за то, что онъ сказалъ публично о преобразованіяхъ въ Польшѣ.

Государь не можетъ рѣшиться отпустить Палена, однако мой мужъ надѣется, что медлить съ этимъ больше не стануть. Посолъ этого желаетъ; онъ полюбилъ свою должность, и это понятно.

Палень еще здѣсь, жалѣю его; я согласна, что непріятно жить въ маленькой гостинницѣ, когда для васъ готовъ роскошный дворецъ. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ дипломатовъ утверждаютъ, что Барантъ уѣдетъ, если Палень продолжитъ свое пребываніе. Лэди Кланрикардъ дѣлаетъ видъ будто дружна съ г-жею Барантъ.

Со вчерашняго дня я въ тревогѣ за Баранта, котораго люблю: у сына его, мѣсяцъ тому назадъ, была дуэль съ гусарскимъ офицеромъ: дней пять только это стало извѣстно. Государь сказалъ моему мужу, что офицера будутъ судить, а потому противнику его оставаться здѣсь нельзя. Это разстроитъ семью, а потому тяжело для твоего отца. Напрасно Барантъ тотчасъ не сказалъ ему объ этомъ: онъ бы посовѣтовалъ ему тогда же услатъ сына.

*) Переведено съ Французскаго, изъ VIII-го тома „Писемъ и бумагъ“ нашего министра иностранныхъ дѣлъ, графа Карла Васильевича Нессельроде (Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. Paris. A. Lahure) его внукомъ, графомъ Анатолиемъ Дмитриевичемъ.

Петербургъ, 28 Февраля 1840.

Я тебѣ сообщала о дуэли Баранта; офицеръ, Лементьевъ¹⁾ подѣ судомъ, а его секундантъ, который самъ себя выдалъ, подѣ арестомъ. Надѣются, что наказанія не будутъ строги. Государь былъ отмѣнно внимателенъ къ семьѣ Баранта, которой всѣ выказали величайшее сочувствіе. Сынъ ихъ уѣзжаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Парижъ, 17 Декабря 1840.

Можешь сказать Мари²⁾, что ей нечего жалѣть о томъ, что она не была на перенесеніи Наполеонова праха. Правда, я сама была очень довольна, что это произошло во время моего пребыванія здѣсь и, подобно г-жѣ Ганъ, съ постели бы встала, чтобъ не пропустить этого торжества. Ну, и что же? Единственное чувство, которое я вынесла, было полное разочарованіе. За сто франковъ мы имѣли балконъ въ четвертомъ этажѣ, близѣхонько отъ Триумфальной арки. Только послѣ долгаго ожиданія намъ удалось увидѣть торжественное шествіе, въ которомъ не было порядка; полки слѣдовали одинъ за другимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, а народъ загораживалъ боковые проходы. Не было ни малѣйшаго волненія, никакого порыва, ни одной приподнятой шляпы; я глазамъ своимъ не вѣрила: въ этой громадной толпѣ были только любопытствующіе, и ничего больше. Колесница была великолѣпная, но въ языческомъ вкусѣ; везшія ее шестнадцать лошадей, по четыре въ рядъ, казались очень мелкими въ сравненіи съ монументальными размѣрами колесницы. Слѣдовало бы для соразмѣрности впрямь въ нее слоновъ, подражая Римской пышности. Украшенія, не смотря на всю роскошь, были смѣшныя. Словомъ, отъ начала до конца, эта церемонія была сплошной комедіей и не произвела того дѣйствія, какое отъ нея ждала мятежная партія, которая рассчитывала на безпорядокъ и смуту, въ надеждѣ, что это вызоветъ паденіе министерства. Потому-то они и въ ярости. Даже самъ Тьеръ въ домѣ Инвалидовъ не могъ скрыть испытываемаго имъ разочарованія. Онъ громко говорилъ, что стыдно такъ подавлять порывъ народный, что приняты были всѣ мѣры,

¹⁾ Въмѣсто: Лермонтовъ. Графиня Нессельроде, очень на чужеземный ладъ просвѣщенная, чужда была Русской словесности, а къ Пушкину питала даже личное нерасположеніе, ошибочно приписывая ему извѣстное стихотвореніе про ея отца, графа Дмитрія Александровича Гурьева, министра финансовъ въ царствованіе Александра Павловича („Гурьевъ обиралъ народъ“), что было неправда: благодаря графу Гурьеву Россія выдержала денежное потрясеніе 1812—1815 годовъ. Пушкинъ также не посѣщалъ гостиной графини Нессельроде, гдѣ собиралось много умныхъ людей. Онъ говаривалъ, что не знаетъ, кто ему непріятнѣе, она или Булгаринъ.

²⁾ Дочь графа и графини Нессельроде, Марія Карловна Зесбахъ.

чтобы умалить торжественность этого дня. Держалъ онъ и инныя рѣчи, поразившія тѣхъ, кто имѣлъ возможность его слышать. Дѣло въ томъ, что ни одна мѣра предосторожности не была упущена: въ Елисейскомъ дворцѣ было разставлено 800 человѣкъ.

Предупрежденные полиціей о томъ, что есть замыселъ напасть на домъ Англійскаго посольства, посоль и его жена успѣли провѣсти утро внѣ дома. Мятежники прошли мимо нашего дома еще до моего возвращенія, остановившись передъ нимъ на минуту и крича: „долой Англичанъ!“ Я застала свою горничную совѣмъ еще въ испугѣ. Довольно долго они простояли передъ зданіемъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Собравшаяся тамъ, довольно многочисленная, чернь, слава Богу, не приняла въ ихъ сумятицѣ участія: впрочемъ, она оказалась вообще довольно спокойною. Изъ всѣхъ газетъ *le Journal des Débats* даетъ объ этомъ утрѣ самый вѣрный отчетъ, за исключеніемъ того, что равнодушныя толпы объясняютъ чувствомъ уваженія, которое могло быть выражено только молчаніемъ. Если бы Тьеръ былъ въ министерствѣ, этотъ день, конечно, не прошелъ бы безъ выдающагося событія. Противоправительственныя газеты стараются придать значеніе и важность поднятымъ крикамъ; но если что вѣрно, такъ это то, что они сочувствія не вызвали. Тѣмъ не менѣе теперь глухое броженіе. Министерство упрекаютъ за то, что не было разрѣшено школамъ участвовать въ шествіи: были только Политехническая и Сентъ-Сирская школы. Первая изъ нихъ хотѣла войти въ Домъ Инвалидовъ: нѣсколько политехниковъ завели горячій споръ съ пикетомъ національной гвардіи; одинъ изъ молодыхъ людей даже выгнали въ шпагу. Словомъ, день, котораго ожидали не безъ страха, прошелъ довольно хорошо и счастливо для страны.

Графъ Д. К. Нессельроде къ барону Мейндорфу въ Берлинъ *).

Петербургъ, 29 Ноября 1841.

Хотѣлось бы мнѣ изъ Петербурга сообщить вамъ что нибудь занимательное; къ несчастью, ничего особенно веселаго здѣсь нѣтъ. Всѣ встревожены тѣмъ оборотомъ, какой принимаютъ наши внутреннія дѣла. Строгановъ покинулъ свое министерство, чувствуя, что взялся за дѣло непосильное и что нѣтъ къ нему довѣрія, необходимаго для того, чтобы довести дѣло до успѣшнаго конца; его же преемникъ, Перовскій,

*) Баронъ Мейндорфъ былъ нашимъ посломъ въ Берлинѣ, гдѣ служилъ и молодой графъ Нессельроде, уѣзжавшій тогда къ родителямъ въ Петербургъ.

уже отчаевается. Между тѣмъ стараются забыть про близость опасности; дѣлають грошевыя сбереженія, тогда какъ съ другой стороны безумно соряютъ деньгами. Время отъ времени назначаютъ комитетъ, который возбуждаетъ вопросъ не разрѣшая его, и такимъ образомъ только усиливаетъ броженіе умовъ*).

Графиня Нессельроде къ своему сыну.

Петербургъ, 30 Октября 1842.

Я тебѣ уже сообщала, какую бурю подняло запрещеніе, наложенное Государемъ на вещи, которыя Мейндорфъ прислалъ съ послѣднимъ курьеромъ изъ Берлина. Этотъ курьеръ явился прямо къ Государю. Его Величество, принявъ пакеты, предназначенные ему, спросилъ, не имѣетъ ли курьеръ еще чего; тотъ долженъ былъ отвѣчать утвердительно и подать остальное, что находилось у него въ сумкѣ. Государь былъ нѣсколько дней въ такой ярости, что его приближенные изумлялись; вѣроятно, битвы, проигранныя на Кавказѣ, огорчили его въ меньшей степени. Когда Орловъ и Бенкендорфъ выразили свое удивленіе, что онъ придаетъ такое значеніе подобной мелочи, Государь на нихъ разсердился. Твой отецъ сохранялъ спокойствіе передъ грозой и такъ какъ случайно ему пришлось увидѣть Государя только десять дней спустя, то онъ засталъ его уже нѣсколько менѣе раздраженнымъ, однако, принявшимъ рѣшеніе заставить Мейндорфа заплатить слѣдующее таможеннѣ шестьсотъ рублей серебромъ. Тщетно твой отецъ умолялъ Государя наложить это наказаніе на него. Мы боимся впечатлѣнія, которое эта суровая мѣра произведетъ на твоего начальника. Онъ нервный, впечатлительный и издали, конечно, представитъ себѣ все въ преувеличенномъ видѣ.

Успокой его, скажи, что общество было горестно изумлено; что же касается Хозяина, этотъ случай ни въ чемъ не убавитъ цѣны, какую онъ придаетъ такому слугѣ, какъ Мейндорфъ. Твой отецъ продолжаетъ дѣйствовать философски: онъ просилъ Орлова написать Мейндорфу, что эта глупая исторія не будетъ имѣть послѣдствій. Твой другъ Брессонъ большой любимецъ Хозяина, который съ наслажденіемъ

*) Замѣна министра внутреннихъ дѣлъ графа Александра Григорьевича Строганова (графомъ) Львомъ Алексѣвичемъ Перовскимъ, предшественникомъ Дмитрія Гавриловича Библикова. Самъ Николай Павловичъ жаловался въ письмахъ къ князю Паскевичу на денежныя государственныя затрудненія послѣ голоднаго 1839 года, когда большинство крестьянъ питалось лебедю.

вѣрить всему, что тотъ рассказываетъ и почти въ каждой своей депешѣ вставляетъ какое нибудь замѣчаніе, благопріятное для этого мистификатора. Я не сомнѣваюсь, что въ концѣ концовъ онъ будетъ посломъ, и это будетъ естественнымъ послѣдствіемъ всего, что теперь происходитъ и торжествомъ исчадія, окружающихъ престолъ. Нелидова. попрежнему, первая любимица, но и только, что бы объ этомъ ни говорили: я бы хотѣла, чтобъ она стала по-просту любовницей: она бы скоро ему надоѣла ¹⁾).

Графиня Нессельроде къ своему сыну.

Петербургъ, 16 Декабря 1842.

По всему, что здѣсь говорятъ о враждѣ къ намъ Берлинцевъ, предполагаю, что мой милый Мейндорфъ долженъ переносить всевозможныя непріятности, тѣмъ болѣе, что королевская семья не щадитъ ни Государя, ни Императрицу, чего я не могу понять. Я желала бы, чтобы мнѣ объяснили, отчего Нѣмецкія газеты горячатся противъ насъ и печатаютъ про насъ столько мерзостей. Это сердитъ меня до такой степени, что, не смотря на мою ненависть къ Людовику-Филиппу, я желала бы, чтобъ Россія сблизилась съ Франціей и побраталась съ нею, хотя бы только для того, чтобы обидѣть другіе народы, которые, видя это, не замедлили бы запѣть на другой ладъ. По скромному моему мнѣнію, съ Англичанами слишкомъ нѣжничаютъ; они же всегда бываютъ фальшивыми братьями и покидаютъ васъ, какъ только для нихъ нѣтъ въ этомъ выгоды. Я полагаю, что Бруновъ ²⁾ въ своихъ донесеніяхъ все прикрашиваетъ. А вотъ это достоверно, что онъ все таки пользуется величайшимъ благоволеніемъ. Твой отецъ о немъ не говоритъ и не любитъ, когда съ нимъ говорятъ о немъ. Кончить онъ тѣмъ (я больше въ этомъ не сомнѣваюсь), что будетъ посломъ, и это, дѣйствительно, будетъ позоромъ. Я нахожу, что у насъ недостаточно убѣдились, что для представителя необходима *порядочность*. Если возбуждаешь этотъ вопросъ, его разсматриваютъ какъ неимѣющій значенія. Какая ошибка! Возвращаюсь къ Брунову: мнѣ думается, что Государь имъ околпаченъ. Онъ продолжаетъ распространять свои нелѣпости, доходя до того, что приписываетъ себѣ отступленіе Англичанъ изъ Индіи. Со времени безразсудства съ арестованнымъ курьеромъ, Его

¹⁾ Толки о Варварѣ Аркадьевнѣ Нелидовой были совсѣмъ не вѣрны: Николай Павловичъ питалъ къ ней рыцарскія чувства, такія же, какія отецъ его къ ея теткѣ, Екатеринѣ Ивановнѣ.

²⁾ Нашъ посолъ въ Англій, начавшій свое поприще въ 1814 г. на побѣгущахъ у баронессы Криднеръ.

Величество полонъ предупредительности къ моему мужу, и нѣсколько курьеровъ, являвшихся отъ великой княгини ¹⁾ прямо къ нему, получали приказъ передать ему пакеты безъ досмотра. Но вотъ что странно: когда два курьера, отправленные въ министерство, явились прямо въ канцелярію, то офицеры, не позаботившіеся отправить ихъ къ Государю, были посажены подъ арестъ. Однако я должна сказать, что Государь, кажется, раскаевается въ томъ, что этой мѣрѣ дана такая огласка. Вотъ уже нѣсколько дней какъ онъ въ лучшемъ настроеніи, а иногда страшно бываетъ на него взглянуть: до того черты его суровы. Онъ принимаетъ быстрыя рѣшенія и дѣйствуетъ съ непостижимой стремительностью. Такимъ-то образомъ, еще недавно, по поводу нѣкоторыхъ дѣйствій полиціи и суда, которыя открылъ ему министръ внутреннихъ дѣлъ, онъ тотчасъ же приказалъ Чернышеву составить два указа, одинъ объ увольненіи Эссена ²⁾, а другой о назначеніи на его мѣсто Кавелина. Въ тотъ же вечеръ уволенный былъ объ этомъ увѣдомленъ генералъ-губернаторомъ; онъ легъ спать ни живъ ни мертвъ, а когда на другой день явился къ Государю, то не былъ принятъ; за то черезъ день ему оказывается наибольшее вниманіе, даютъ ему шифръ, что прежде считалось большой милостью, Государь его ласкаетъ и съ этого дня осыпаетъ его знаками своего благоволенія. Скажи, пожалуйста, объяснимы ли подобныя дѣйствія и что въ такомъ способѣ царствованія могутъ понять разные слои общества, съ чернью включительно? Ты, вѣроятно, прочелъ рескриптъ Головину ³⁾; онъ такъ составленъ, что можно подумать, будто тотъ, къ кому онъ обращенъ, былъ безукоризненъ. Греблинъ ⁴⁾, опозорившій честь своего полка и допустившій избить своихъ солдатъ, какъ овецъ, не на плохомъ счету, тогда какъ нашъ бѣдный Гаяъ все еще въ немилости, а къ противнику его, Позену, и милости прибываютъ, и надежда сдѣлаться министромъ. Все вверхъ дномъ перевернуто: смотришь и удивляешься, какъ еще вся машина дѣйствуетъ. Всюду царитъ угрюмое уныніе; всѣ въ ожиданіи чего-то и, не предвидя, что именно имъ угрожаетъ, заранѣе пугаются. Клейнмихель становится со дня на день могущественнѣе: у него часто бываютъ, и подземный телеграфъ часто дѣйствуетъ. Недавно, на балу въ Аничковскомъ дворцѣ, Хозяинъ продолжительно бесѣдовалъ съ офицеромъ Лузскимъ, по той простой причинѣ, что онъ сродни Маленькому Михелю ⁵⁾.

¹⁾ Елены Павловны, находившейся съ больною дочерью Марією въ Вѣнѣ.

²⁾ Въ подлинникѣ напечатано ошибкою, вмѣсто Hessen—Nemeg.

³⁾ Прибалтійскому генералъ-губернатору.

⁴⁾ Gröblin. Кто это, намъ неизвѣстно.

⁵⁾ Русскій переводъ имени Клейнмихеля.

По той же причинѣ оберъ-полицеймейстеръ Кокочкинъ¹⁾, который, допуская воровство, служить орудіемъ развращенія, оставляется при своихъ обязанностяхъ; а еще говорятъ, что не держатся системы покровительства. Государь, у котораго нелѣпая мысль, будто одѣяніе дѣйствуетъ на того, кто его носитъ, болѣе чѣмъ когда либо ненавидитъ фраки. Чтò за странная голова у этого Государя! Онъ взрываетъ почву своего обширнаго владѣнія, не сѣя хорошихъ зѣренъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій дѣлаетъ все, что можетъ, дабы преобразовать присутственные мѣста и назначать туда исключительно людей честныхъ; онъ никого не щадитъ и когда нужно отрѣшаетъ отъ должности; занимаютъ его и съѣстные припасы, и цѣна на нихъ, и булочки, однимъ словомъ, все. За то и любятъ его бѣдняки. Киселевъ²⁾ не подвигается въ своей работѣ: если вѣрить общественному ропоту, онъ разрушаетъ, вмѣсто того чтобы созидать. Нужны чиновники, въ нихъ недостатка у насъ нѣтъ, но что это за отродье, что за дрянь!

Она же къ нему же.

Петербургъ, 23 Января 1843.

Государь съ каждымъ днемъ все больше занятъ Нелидовой, у которой такое злое выраженіе лица! Кромѣ того, что онъ къ ней ходитъ по нѣскольку разъ въ день, онъ и на балу старается быть все время близъ нея. Бѣдная Императрица все это видитъ и переноситъ съ достоинствомъ; но какъ она должна страдать!³⁾

Петербургъ, 7 Февраля 1843.

Министръ внутреннихъ дѣлъ отличается своею дѣятельностью: онъ устроилъ собственную полицію и въ соглашеніи съ Кавелинымъ, не открывая своей тайны Кокочкину, достигаетъ весьма полезныхъ слѣдствій. У нихъ есть второй Видокъ⁴⁾, который помогаетъ имъ ловить воровъ. Забрали они ихъ сто пятьдесятъ человѣкъ: изяцно одѣтый главарь имѣлъ свой экипажъ и пять квартиръ въ городѣ, чтобы скрываться. Изъ всѣхъ этихъ пойманныхъ только у семерыхъ оказались паспорта.

¹⁾ Кокочкинъ Сергѣй Александровичъ, 1785—1861, генералъ-адъютантъ, оберъ-полицеймейстеръ въ Петербургѣ, позднѣе сенаторъ.

²⁾ Павелъ Дмитриевичъ, вскорѣ сдѣлавшійся министромъ государственныхъ имуществъ, затѣйникъ дорогихъ новшествъ и разоритель крестьянства.

³⁾ Пустая сплетня.

⁴⁾ Иванъ Петровичъ Липранди?

Все общество, какъ и каждый его членъ въ отдѣльности, чувствуетъ къ Императрицѣ либо преданность, либо восхищеніе ея неизмѣнной кротостью относительно этой Нелидовой, которая постоянно у нея передъ глазами и въ которую Государь продолжаетъ быть влюбленъ, не имѣя ея еще своею любовницей, что все таки странно, если подумаешь, что онъ ходитъ къ ней во всякое время дня. На балу, на виду у всего общества, не заботясь о томъ, что стануть говорить, онъ часто къ ней подходитъ, ужинаетъ подлѣ нея съ другой, выбранной имъ дамой, съ Раухомъ¹⁾ и съ Орловымъ.

Нашъ Хозяинъ не пропустилъ ни одного маскарада; оставался тамъ до трехъ часовъ утра, разгуливая съ самою что ни на есть заурядностью. Одна изъ этихъ особъ, съ которыми онъ не опасается говорить запросто, сказала своему дядѣ²⁾, что нельзя себѣ представить всей вольности его намѣковъ. Объ этомъ рассказываютъ, и вотъ какъ, благодаря этому и еще кое-чему, утрачивается къ нему уваженіе.

Не знаю, читалъ ли ты брошюру, которую только что напечаталъ кривоногій Долгорукій³⁾. Это произведеніе полное злобы, и самой скверной. Какая грусть видѣть, что есть Русскіе, которымъ нравится позорить свою страну! Это болѣзнь даннаго времени.

Петербургъ, 17 Марта 1843.

Я часто вижу Титова; онъ мнѣ нравится; это человѣкъ, который соединяетъ въ себѣ глубину сужденія съ большой твердостью характера. Будь онъ въ Константинополѣ, можетъ быть онъ обнаружилъ бы больше твердости, чѣмъ добрый Бутеневъ.

Въ крѣпости свыше ста пятидесяти воровъ, черезъ которыхъ разыщутъ и еще многихъ. Перовскій и Кавелинъ согласились подставить ногу Кокоскину, которому Государь по прежнему очень покровительствуетъ, несмотря на имѣющіяся противъ него неопровержимыя доказательства. Долгорукій, авторъ извѣстной статьи, уѣхалъ изъ Парижа. Онъ рисковалъ быть изгнанъ оттуда правительствомъ по слѣдующимъ причинамъ: послѣ напечатанія статьи въ *les Débats*, Гизо призвалъ главнаго редактора этой газеты и горячо его укорялъ за то, что онъ помѣстилъ ее. А тотъ, вмѣстѣ съ выраженіемъ сожалѣнія, объявилъ, что самъ князь передалъ ему эту статью, и что его вина лишь въ томъ, что онъ уступилъ его настоятельнымъ просьбамъ. Съ

¹⁾ Прусскимъ посломъ.

²⁾ Графу Александру Дмитріевичу Гурьеву.

³⁾ Князь Петръ Владимировичъ Долгорукій, составитель Родословной книги. Его звали Банкаль. что по французски значитъ кривоногій.

другой стороны упомянутый князь написал Киселеву¹⁾, что не знает автора статьи, что, прочтя ее, былъ огорченъ и боится, какъ бы ему не было за нее неприятности. Наконецъ, нѣсколько дней спустя, Гизо говорилъ Киселеву, что такъ какъ тотъ же князь позволилъ себѣ писать редакторамъ различныхъ газетъ. и именно въ Лондонъ, и такимъ образомъ нарушилъ свой долгъ передъ правительствомъ, то онъ сочтетъ себя въ необходимости его выслать, если тотъ не уѣдетъ немедленно. Эта угроза ускорила его отъѣздъ. Можно ли добровольно поставить себя глупѣе въ такое тяжелое положеніе? Чтò онъ будетъ дѣлать здѣсь по своему возвращеніи или чтò его заставятъ дѣлать, совершенно не знаю.

Она же въ нему же.

Петербургъ, 10 Апрѣля 1843.

Меня увѣрили, будто въ послѣдней почтѣ, отправленный [Бруновымъ], говорится, что Англійскій кабинетъ не признаетъ за нами никакого права въ Сербіи и что Канингъ въ Константинополѣ противъ насъ. Болѣе довольны—Австріей; отъ Бутенева не имѣемъ еще ни одного извѣстія; можетъ быть, получимъ сегодня или завтра.

Здѣсь фельдмаршалъ Паскевичъ. Съ Ганомъ онъ такъ же хорошъ, какъ былъ раньше, говорилъ ему въ прекрасныхъ выраженіяхъ о его назначеніи на Кавказъ, но никогда не достанетъ у него храбрости открыто защищать его. Государь жалуется на головокруженія и очень тревожится за свое здоровье. Правда, его должно смущать, что онъ уже не на правильномъ пути; начиная замѣчать, что ничто не ладится, что все хромаетъ, онъ приходитъ отъ этого въ раздраженіе вмѣсто того чтобы хорошенько поразмыслить и измѣниться.

Не знаю, чтò дѣлаютъ въ Нѣмецкихъ провинціяхъ, но достовѣрно вотъ что: баронъ Паленъ—поборникъ безначалія, руководимый адвокатами и всѣмъ этимъ властолюбивымъ отродіемъ, которое выказываетъ враждебность къ дворянству, стремясь занять его мѣсто. Ганъ—единственный, съ ожесточеніемъ защищающій права дворянскаго сословія; онъ привлекаетъ къ своему дѣлу очень многихъ, и провинціи ему многимъ обязаны. Кавелинъ²⁾ умолялъ Государя не назначать его на должность военнаго губернатора, но Хозяинъ такъ настаивалъ, что пришлось ему согласиться. При тогдашнемъ его болѣзненномъ состо-

¹⁾ Николаю Дмитріевичу, бывшему послѣ графа Палена нашимъ посланникомъ въ Парижѣ.

²⁾ Другъ С. Т. Аксакова.

яніи, эта должность была слишкомъ тяжела. Страстно желая уничтожить злоупотребленія, онъ съ такимъ рвеніемъ принялся за работу и до такой степени переутомилъ себѣ мозгъ, что нервно заболѣлъ и теперь опасаются какъ бы не было у него полного помѣшательства. Онъ говоритъ не переставая, рѣчь его безсвязна. Это прискорбно и душу раздирающе, потому что честный человѣкъ этотъ не скрывалъ отъ Государя истины; вмѣстѣ съ Перовскимъ они старались бороться съ совершающимися мерзостями и обуздывать ихъ. Не сумѣли сразу оцѣнить благородныя намѣренія этихъ двухъ администраторовъ; противъ нихъ было много клеветниковъ, и теперь они еще есть. Перовскій удивительно ловокъ; онъ изумляетъ жандармерію, на глазахъ у нея раскрывая, преслѣдуя, уловляя воровъ и тутъ же разоблачая великія беззаконія, о которыхъ даже не подозрѣвали.

Если тебѣ любопытно знать что сдѣлалъ Долгорукій, то знай. что живетъ онъ въ домѣ Бенкендорфа и на предложенные ему вопросы отвѣчалъ какъ человѣкъ лукавый, съ нѣкоторымъ искусствомъ и такъ, чтобы понравиться Государю; но, мнѣ думается, онъ никого не проведетъ.

Кажется, его пошлютъ служить въ Сибирь, и я очень рада, что не было принято противъ него чрезмѣрныхъ строгостей, которыя всегда дѣлаютъ виновныхъ сколько нибудь внушающими сочувствіе. Словомъ, при всемъ своемъ умѣ, Долгорукій дѣйствовалъ злобно и глупо.

Бенкендорфъ будетъ брать морскія ванны въ Діепль, въ Парижъ же не поѣдетъ, ибо ему не разрѣшаютъ представляться Людовику-Филиппу.

Графъ К. В. Нессельроде барону Мейндорфу.

Петербургъ, 22 Апрѣля 1843 г.

Дорогой баронъ, нужно вамъ сказать еще одно слово относительно желаній и плановъ великой княгини Елены Павловны. Какъ вы можете предположить, я не преминулъ показать ей письмо генерала Ботѣ.

Оно вызвало въ ней маленькое разочарованіе; тѣмъ не менѣе она упорствуетъ въ своемъ намѣреніи ѣхать тотчасъ послѣ именинъ Императрицы, которые, какъ вамъ извѣстно, 21 Апрѣля нашего стили; и несмотря на то, говоритъ Боте, она хочетъ попытать удачи свиданія за границей. Сказать вамъ правду, разгадка всего этого въ томъ, что великая княгиня Елена Павловна нѣсколько боится, и не безъ основанія, сравненія между великими княжнами ея дочерьми и дочерьми Государя. Вотъ почему она предпочитаетъ, чтобы увидѣлись, понра-

вились и приняли бы рѣшеніе за границей, а не въ Петербургѣ. Хотя бракъ между великимъ герцогомъ Мекленбургскимъ и одной изъ великихъ княженъ, дочерей Государя, вещь и невозможная, но видъ двухъ Ангелоподобныхъ великихъ княженъ, Ольги и Александры, сіяющихъ красотою, легко бы могъ подѣйствовать на сердце и умъ великаго герцога Мекленбургскаго не въ пользу дочерей великой княгини Елены Павловны. Это соображеніе, дорогой баронъ, только для васъ; никому его не сообщайте. Я счелъ долгомъ не скрывать этого отъ васъ, дабы вы могли хорошенько уяснить себѣ настоящую причину, побуждающую великую княгиню Елену Павловну не дѣлать никакихъ перемѣнъ относительно времени отъѣзда и ея желанія встрѣтиться съ великимъ княземъ въ Дрезденѣ. Потому, дорогой баронъ, прошу васъ употребить все старанія и усилія, дабы склонить великаго князя поѣхать въ Дрезденъ въ то время, когда тамъ будетъ великая княгиня. Вотъ все пока, что я имѣю вамъ сказать по этому щекотливому дѣлу.

Онъ же къ нему же.

Петербургъ, 2 Мая 1843.

Мы здѣсь внѣ себя отъ радости по случаю счастливой, могу сказать, блестящей развязки Сербскаго дѣла; для меня это — одной тяжелой заботой меньше и большое облегченіе.

Вы не повѣрите, какія безпокойства я имѣлъ по этому дѣлу всю зиму. Мы Русскіе, носящіе Нѣмецкія фамиліи, бываемъ иногда въ трудномъ положеніи, а въ этомъ вопросѣ все національное чувство пробудилось гораздо сильнѣе, чѣмъ того заслуживаютъ эти разбойники Сербы.

Графиня Нессельроде къ своему сыну.

Петербургъ, 24 Іюля 1843.

Область чувствъ весьма обширна. Балзакъ¹⁾, лучше всѣхъ описавшій чувства женщинъ, въ настоящее время у насъ въ городѣ, удивленный, я думаю, что не ищутъ знакомства съ нимъ. Никто, насколько по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно, не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки попасть къ нему. Въ Россію его привлекла, кажется, одна Польская дама, сестра графа Ржевущаго, которая здѣсь по судебному дѣлу, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ она съ этимъ писателемъ путешествовала. Онъ бранить Кюстина²⁾; это такъ и должно быть, но не слѣдуетъ считать его искреннимъ.

¹⁾ Балзакъ, знаменитый Французскій романистъ, род. 1799 г. ум. 1850.

²⁾ Распространившаяся по Европѣ книга маркиза Кюстина о Россіи, весьма не лестная для нея и для императора Николая Павловича.

Графиня Нессельроде къ своему сыну.

Петербургъ, 7 Февраля 1844.

Нелидова лишилась одной изъ своихъ невѣстокъ и потому была въ траурѣ. Это помѣшало иностранцамъ во время недавнихъ празднествъ быть свидѣтелями ухаживаній за нею Его Величества; отсутствіе же этого дорогого предмета сдѣлало то, что Государь возненавидѣлъ балы и часто удалялся, оставляя свою семью. Одно время боялись какъ бы Шведскій король внезапно не прекратилъ долгаго своего существованія, что послужило бы препятствіемъ къ этимъ торжествамъ, но онъ имѣлъ благоразуміе пожить еще немного. Намъ предсказываютъ безпокойства въ этой странѣ. Скоро будутъ у насъ пріятные сосѣди, съ Пруссіей включительно. И все это насъ ненавидитъ—за что, желала бы я знать.

Я изъ себя выхожу при мысли о безпричинныхъ глупостяхъ, которыя мы дѣлаемъ, между прочимъ о томъ, что, въ силу невысказанныхъ побужденій, этому Пруссаку разрѣшено объѣхать Россію и Кавказъ. Не чужеземцу указывать намъ, какимъ образомъ измѣнить положеніе нашихъ крестьянъ. Прежде всего вы должны преобразовать свое правительство, чтобы оно было наименѣе продажно, а для этого назначать во главѣ его людей добросовѣстныхъ, которые здраво и честно разъяснятъ предполагаемыя перемѣны.

А иначе придется лавировать и подвигаться лишь ощупью. Кромѣ этого Пруссака*), котораго мы на свой счетъ возили по всему государству, есть еще другой, болѣе года остававшійся на Кавказѣ, въ самой арміи. Это положительно невѣроятно.

Не знаю, раздѣляешь ли ты мое мнѣніе, но мнѣ кажется, что должность Киселева ему не по силамъ; на этомъ мѣстѣ мнѣ бы хотѣлось видѣть человѣка способнаго не уступать Гизо, я же подозреваю, что онъ пигмей въ сравненіи съ нимъ.

Бѣднаго Озерова, который только что отъ меня ушелъ, выпроводили сегодня въ 24 градусный морозъ, съ весьма непріятнымъ порученіемъ, а именно: въ Ливурнѣ навести справку о нашемъ консулѣ, одномъ изъ моихъ любимцевъ, Гераци. Князь Метернихъ говорилъ Мёдему, что его обвиняютъ въ участіи въ новомъ заговорѣ, раскрытомъ въ Италіи, обширномъ и обладающимъ большими средствами, котораго цѣлью будто идти на Римъ, чтобы отрѣшить отъ престола Папу

*) Гакстгаузена. Кто другой Пруссакъ на Кавказѣ, не знаетъ.

и Неаполитанскаго короля, а герцога Лейхтенбергскаго провозгласить императоромъ. Этотъ дорогой принцъ, не питающій ни малѣйшаго честолюбія, будетъ мало польщенъ, узнавъ, что имъ заняты мятежники. Государь, по свойственной ему похвальной привычкѣ, хотѣлъ уже заточить бѣднаго моего Геральди прежде чѣмъ выслушать его.

Она же къ нему же.

Петербургъ, 13 Февраля 1844.

Уѣзжая отсюда, ты мнѣ обѣщала, что не будешь представляться Людовику-Филиппу. Но, оказывается, ты поддаешься совѣтамъ Киселева, который, въ угоду Гизо, склоняетъ тебя сдѣлать такую ошибку. Это очень беспокоитъ твоего отца, который не знаетъ, какъ отнесется къ этому поступку Государь и что онъ ему сможетъ сказать. Ты такъ осторожна, что я удивляюсь, какъ ты не отвѣтишь отказомъ на настоянія Киселева. До сихъ поръ въ газетахъ нѣтъ упоминанія о тебѣ, но твое присутствіе въ Тюильри выставитъ тебя на показъ болѣе чѣмъ бы слѣдовало. Дай Богъ, чтобы Государь не прогнѣвался! Но по крайней мѣрѣ не возвращайся туда ни подъ какимъ видомъ Я глубоко скорблю о твоей неосторожности, и мы досадуемъ на Киселева, который во всемъ этомъ вель себя въ высшей степени неискусно. Словомъ, не станемъ, больше гворить объ этомъ, а ты вооружись твердостью духа на случай, если тебѣ придется потерпѣть за свою ошибку.

Она же къ нему же.

Петербургъ, 4 Апрѣля 1844.

Я очень сожалѣла, что ты былъ вынужденъ оставить Парижъ двумя недѣлями раньше, чѣмъ ты предполагалъ; но ты поймешь, что иначе нельзя было поступить въ виду предстоявшей поѣздки Государя въ Англію. Если онъ приведетъ въ исполненіе это намѣреніе, то уѣдетъ тотчасъ послѣ именинъ Государыни, т. е. 21, и было бы уже слишкомъ поздно предупреждать тебя. У него страстное желаніе исполнить эту фантазію, но по моему скромному сужденію онъ слишкомъ поторопился понять въ буквальномъ смыслѣ приглашеніе Пиля¹⁾. Я сильно подозреваю, что „дорогой другъ“, хитрый, осторожный дипломатъ²⁾, поддерживаетъ въ Государѣ эту мысль, рассчитывая этимъ пріобрѣсти себѣ славу. Ты знаешь, твой отецъ не имѣетъ обыкновенія очень распространяться со мною по поводу подобныхъ предметовъ: однако изъ того немногаго,

¹⁾ Поѣздка эта могла быть вызвана у Николая Павловича и воспоминаніями молодости, когда онъ, почти юношею, путешествовалъ по Англіи и пріобрѣлъ тамъ общее личное сочувствіе.

²⁾ Баронъ Бруновъ.

что онъ мнѣ сказалъ, я могла понять, что онъ не противъ поѣздки въ Англію. Онъ думаетъ, что она произведетъ хорошее впечатлѣніе, и Государя примутъ прекрасно. Я могу ошибаться, но я не такая оптимистка и боюсь, какъ бы не было враждебныхъ манифестацій. Было бы любопытно, если бы Государь, побывавъ въ Англіи въ теченіи Мая, въ Іюнь повидался съ Людовикомъ-Филиппомъ¹⁾.

Недѣли двѣ тому назадъ появился новый указъ о выѣздѣ за границу. Трудно описать, какъ возмутилъ онъ общественное мнѣніе. И безъ ужаса не могу объ этомъ думать: онъ вызвалъ рѣзкія сужденія у самыхъ миролюбивыхъ, потому что они видятъ въ немъ новое покушеніе на права дворянства. Дѣйствительно, онъ запрещаетъ уѣзжать молодымъ людямъ 21 года и заставляетъ ихъ ждать исполненія 25 лѣтъ. Налогъ очень тягостенъ для людей со средствами; а что скажетъ провинція, которую заставляютъ обращаться за паспортомъ въ Петербургъ? Всѣ замедленія, пріостекающія отъ этого обязательства, могутъ стать роковыми въ случаяхъ, требующихъ немедленнаго выѣзда, напримѣръ при болѣзни, когда можно спасти еще больного, если поѣдутъ тотчасъ же.

Съ ужасомъ помышляешь о будущемъ, видя, что Государь со дня на день остановится болѣе рѣзкимъ и самовластнымъ. Никто не въ состояніи вернуть его къ прежнимъ воззрѣніямъ. Канкринъ продолжаетъ отстраняться отъ дѣлъ. Онъ проситъ отставки, ему не отвѣчаютъ; въ ожиданіи ея онъ беретъ отпускъ на годъ. Предполагаютъ, что Вронченко останется по прежнему, но онъ не принимаетъ на себя никакой отвѣтственности. Положеніе дѣлъ непостижимо. Государь возмнилъ себя финансистомъ. и всѣ дрожатъ въ ожиданіи, что онъ предприметъ²⁾.

Все хранилось въ такой глубокой тайнѣ, даже по возвращеніи Орлова³⁾, что проявлявшіе сперва большое любопытство подъ конецъ устали и перестали обсуждать. По сколькоку я знаю, кажется, что получено одобреніе императорской фамиліи и палатина, но отъ Государя требуютъ уступокъ, чтобы удовлетворить папу. Мнѣ неизвѣстно, насколько выкажутъ себя уступчивыми; знаю только, что Государь былъ

¹⁾ Этого свиданія не было.

²⁾ Сохранилось преданіе, что въ это время кто-то выразилъ Государю изумленіе передъ его познаніями въ финансахъ и осмѣлился спросить, откуда онъ пріобрѣлъ ихъ. Государь, вмѣсто всякаго отвѣта, поднялъ руку вверхъ и сослался на свое помазанничество.

³⁾ Ѣздилъ онъ въ Вѣну по поводу мысли выдать замужъ великую княжну Ольгу Николаевну. Опять подражаніе императору Павлу, тогда какъ Екатерина на предложеніе католикковъ женить Константина Павловича на ихъ принцессѣ, отвѣчали бранчивымъ отказомъ.

въ ярости отъ этихъ условій, а твой отецъ разсерженъ до того, что готовъ былъ жаловаться и однажды провелъ болѣе полтора часа въ кабинетъ Государя, уговаривая его; знаю, что черезъ нѣсколько дней ему, кажется, удалось это и было послано въ Вѣну. Отвѣтъ мнѣ неизвѣстенъ. Еще сегодня утромъ мнѣ сказали, что положеніе не испорчено и что находятся въ ожиданіи.

Графъ К. В. Нессельроде къ своему сыну.

6 Іюля 1844.

Возвращаю тебѣ письмо княгини Ливенъ. Въ своемъ родѣ оно весьма занимательно: однако рассказы ея не причислять же къ словамъ Евангельскимъ. Тутъ отгѣнокъ Французскій, съ которымъ не вполне совпадаетъ то, что узналъ я здѣсь чрезъ лорда Кланвильямса и леди Пемброкъ¹⁾: они меня положительно увѣрили, что королева отъ Государя въ восхищеніи. Онъ, съ своей стороны, очень доволенъ ею и особенно принцемъ Альбертомъ. Въ театрѣ королева страхъ какъ боялась, что произведутъ выстрѣлъ, и ради этого она не приглашала его садиться ближе къ краю ложи.

Графиня Нессельроде къ своему сыну.

Петербургъ, 21 Мая 1845.

Государь уѣхалъ изъ Варшавы очень довольный своимъ пребываніемъ. Народонаселеніе вышло ему навстрѣчу; въ городѣ, гдѣ онъ ходилъ одинъ въ толпѣ, ему устраивали оваціи. Я спрашиваю себя, принялъ ли онъ это за чистую монету, и удивляюсь, что у полиціи оказалось достаточно средствъ открыть столько ртовъ и заставить ихъ кричать обратное тому, что чувствовали сердца. Все же это лучше, нежели поведеніе, которое его раздражило бы.

Законодательный департаментъ Государственнаго Совѣта собрался въ первый разъ, чтобы ознакомиться съ законами Балтійскихъ провинцій. Бутурлинъ, по своему обыкновенію, говорилъ противъ привилегій и не измѣнилъ себѣ, повторяя, что подобное положеніе вещей оскорбительно для Россіи; боялись Павла Гагарина, раздѣлявшаго, какъ казалось, мнѣніе Бутурлина, но онъ воздержался. Если бы только удалось придти къ окончательному рѣшенію до закрытія Совѣта, была бы надежда, что это важное дѣло кончится благопріятно для провинцій.

¹⁾ Леди Пемброкъ и сынъ ея лордъ Кланвильямсъ пріѣзжали изъ Англіи погостить: она у брата, онъ у дяди (т. е. у князя М. С. Воронцова).

Головинъ ¹⁾ держится примиряющаго образа дѣйствій въ Ригѣ, но ему дали отсюда одного господина, который, нося только Нѣмецкую фамилію, не пользуясь никакимъ уваженіемъ, изъ католика сталъ православнымъ, что не особенно пріятно подчиненнымъ. Подобныя назначенія раздражаютъ общественное мнѣніе, такъ какъ кажутся преднамѣренными, тогда какъ на самомъ дѣлѣ являются лишь слѣдствіемъ неумѣлости.

Такъ какъ малѣйшія явленія производятъ дѣйствіе на Государя. то споръ между Михаиломъ ²⁾ и папскимъ нунціемъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Онъ говорилъ въ то время объ этомъ Петру Палену, рассказавшему намъ только на дняхъ. Здѣсь много дѣйствій произвола, о которыхъ мы узнаемъ случайно. Такъ, у протестантскихъ пасторовъ отняли земли, принадлежавшія имъ въ Ингерманландіи. Государь, желая оправдать эту мѣру, ссылается на то, что наше духовенство не владѣетъ землею. Правда; но вмѣсто того, чтобы принимать такія возбуждающія мѣры, не лучше ли дать и нашему духовенству недостающее ему обезпеченное положеніе, чтобы оно не имѣло причины завидовать другимъ? Я ставлю въ вину Перовскому, что онъ не возстаетъ противъ притѣснительныхъ мѣръ, не перестающихъ создавать намъ враговъ внутри Имперіи. Большое несчастіе, когда легко отдаются подобныя приказанія, не заботясь о слѣдствіяхъ, производимыхъ ими, и обращаются съ людьми какъ съ камнями, которые можно переворачивать на всѣ стороны, не причиняя имъ никакой боли.

Она же къ нему же.

Петербургъ, 11 Іюня 1845.

Мишель ³⁾, во время ученія, безъ всякаго повода, накинудся въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ на герцога Лейхтенбергскаго. на всѣ лады повторяя ему, что онъ не радѣетъ о своей части. встаетъ поздно и зашмастается только ухаживаніями. По окончаніи смотра, онъ собралъ генераловъ и офицеровъ и въ ихъ присутствіи, отдаваясь во власть приступу бѣшенства, началъ говорить герцогу Лейхтенбергскому, называя его все время вашимъ императорскимъ высочествомъ. обратное тому,

¹⁾ Прибалтійскій генераль-губернаторъ.

²⁾ Великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, находившимся тогда въ Вѣнѣ.

³⁾ Т. е. великій князь Михаилъ Павловичъ.

что говорилъ раньше, а именно, что солдаты его истощены отъ усталости, что онъ о нихъ совѣтъ не заботится и что проводить все время въ лабораторіи въ работахъ по гальванопластикѣ. Наконецъ вылилъ онъ на него цѣлый потокъ упрековъ, отъ которыхъ присутствующіе пришли въ полное изумленіе. Герцогъ слушалъ его молча, какъ подчиненный, и заговорилъ только въ защиту полковника, отправленнаго великимъ княземъ подъ арестъ; онъ выставилъ на видъ, что у того умерла наканунѣ жена и онъ все же, по долгу службы, явился на смотръ. Герцогъ высказалъ много трогательнаго, что не произвело на великаго князя никакого впечатлѣнія. Послѣ отъѣзда разгнѣваннаго начальника, герцогъ объявилъ своей части, что сложить съ себя начальство, такъ какъ его личность навлекаетъ подобныя неприятности. Вернувшись домой, онъ разсказалъ объ этой сценѣ женѣ, которая, не смотря на его возраженія, поспѣшила увѣдомить о происшедшемъ Государя. Тотъ очень гнѣвался, и вотъ къ какой благородной мести прибѣгнулъ. На смотру Семеновскаго полка, который теперь у его брата въ милости, онъ пришелъ въ гнѣвъ, сталъ придирается къ бездѣлицамъ, бранилъ солдатъ и офицеровъ и съ сильными выраженіями позорно отправилъ ихъ въ казармы. Что должно думать войско, видя себя козломъ отпущенія въ распряхъ властителей? Меня увѣряютъ, что до сего времени Наслѣдникъ ведетъ себя очень осторожно по отношенію къ войску; о, если бы ему удалось выдержать!

Государь держитъ своихъ подданныхъ въ непрерывномъ напряженіи. Онъ словно испорченный и жестокій ребенокъ, не умѣющій и не желающій что либо переносить. Онъ заявилъ, что не будетъ жить ни въ Зимнемъ, ни въ Аничковскомъ дворцахъ; вѣроятно поставитъ себѣ палатку на плацу. Что привело его въ дурное расположеніе и не безъ основанія, это новая книга Головина, которую тотъ имѣлъ дерзость послать ему по почтѣ и которая, какъ кажется, еще хуже книги Кюстина. Въ этомъ пасквилѣ авторъ выставляетъ въ настоящемъ свѣтѣ всѣхъ придворныхъ, указывая на всѣ злоупотребленія. Государь высказалъ твоему отцу огорченіе, которое онъ испытываетъ, когда хулятъ особу, къ которой онъ питалъ нѣкоторое расположеніе и любилъ проводить въ ея обществѣ нѣсколько часовъ, но которая не была его любовницею; въ этомъ онъ клялся передъ Богомъ. Онъ такъ непостижимъ во всемъ, что послѣднее не-невѣроятно. Я рассчитываю на твою скромность, и ты не выдашь меня отцу. Эта новость распространилась въ маленькомъ кружкѣ, но скоро будетъ на устахъ у всѣхъ.

Графъ К. В. Нессельроде барону Мейндорфу.

Петербургъ, 17 Января 1846.

Съ послѣднимъ курьеромъ изъ Петербурга Мѣдемъ даетъ мнѣ еще нѣкоторыя подробности о пребываніи Государя въ Вѣнѣ. Между нами я ими недоволенъ, и мнѣ придется, при проѣздѣ, сглаживать непріятное впечатлѣніе, дабы раздраженіе, довольно ясно выказанное Государемъ, не испортило политическихъ отношеній въ ущербъ нашимъ выгодамъ; по пріѣздѣ въ Петербургъ мнѣ предстоитъ успокоить это раздраженіе, которое никогда не можетъ служить на пользу дѣламъ. Я понимаю, что Государь могъ почувствовать досаду; но, ведя настоящую политику, лучше было бы не показывать ея. Послѣдняго, впрочемъ, надо признаться, держался Австрійскій кабинетъ, который своимъ глупымъ и нечестнымъ образомъ дѣйствій скорѣе послужилъ намъ, нежели повредилъ: онъ сдѣлалъ возможнымъ и легкимъ брачный союзъ, болѣе цѣнный, нежели его. Если изъ Венеціи Государь писалъ, чтобы не приходили къ окончательному рѣшенію въ Палермо*), то изъ Вѣны, думаю, онъ совѣтовалъ поспѣшить съ развязкою. Что касается меня, мнѣ бы хотѣлось, чтобы событія подвинулись на столько съ той и другой стороны, что уже нельзя было бы отступать, чтобы и эта послѣдняя партія не ускользнула изъ нашихъ рукъ. Послѣ всего, происшедшаго въ Вѣнѣ, намъ это не обходимо, не только для счастья и будущности обожаемой великой княжны, но и по соображеніямъ относительно Европы.

*) Тамъ находилась императрица Александра Ѳеодоровна съ великою княжною Ольгою Николаевною и тамъ вскорѣ устроилось, по желанію Государя, ея замужество. Графъ Нессельроде не подозрѣвалъ, что дѣйствовавшій тутъ князь А. М. Горчаковъ (посланникъ въ Штутгардѣ) приготовлялъ для себѣ возможность заступить мѣсто его.